

ГРАНИЦЫ КУЛЬТУРНЫХ МНОЖЕСТВ: КОНСТРУИРОВАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

И.В. Гибелев

ООО НПО «ИнтелКом». 308504, Белгород, мкр. Таврово-2, пер. Дачный, 11.

В статье изучается вопрос трансформации границ культурных множеств в современном мире. Политические границы рассматриваются как один из видов границ культурных множеств, которые были открыты европейским проектом универсальной культуры. Определяющую роль в конструировании универсализма и открытии множественности сыграла трансцендентальная мысль. С ослаблением трансцендентного измерения в изучении трансграничных взаимодействий значительное внимание получил концепт пространства. Пространственные схемы восприятия окружающей действительности доминировали в западном мышлении на протяжении двух с половиной тысяч лет. Г.В.Ф. Гегель подвёл черту в характеристике ново-европейского разума: «время есть истина пространства».

По мнению Гегеля, в начале XIX в. мировой дух достиг полной самотождественности, поэтому течение времени потеряло всякий смысл, наступил конец истории. Конечно, это не означает, что исторический процесс как последовательность событий полностью прекращён. «Конец истории» у него выражает конкретную воплощённость идеалов Просвещения в социальных и культурных практиках. Но конец истории, в основе которой лежало темпоральное самоопределение разума, открыл новый горизонт историчности человека – существование в сети пространственных (культурных) множеств.

Культурные множества существуют как взаимопересекающиеся, а их внешняя граница в глобальном мире оказывается замкнутым пределом. В 90-е гг. XX в. получает развитие концепция «borderless world» («мир без границ»), утверждающая закономерность исчезновения границ и призывающая способствовать этому. Сегодня мы наблюдаем процесс одновременного разрушения и укрепления границ. В статье утверждается, что причина недостаточного знания онтологического смысла границы в гуманитарных исследованиях и практиках коренится в чрезмерном внимании к конструирующим способностям разума. Осмысление феномена границы предполагает постановку вопроса о возможных формах присутствия трансцендентного в современном нетрансцендентном мире.

Ключевые слова: политические границы, культурные множества, пространство, border studies, горизонт, трансцендентность, экология границы.

Специфика проблематизации границ в современном мире

Проблема границ получила в современных международных отношениях чрезвычайную актуальность [6]. Границы стали тем местом, где в зрелищном и трагическом представлении разыгрываются сцены столкновения национальных государств, культур, конфессий, наднациональных организаций, неравенства, но также сотрудничества и поиска согласия. Это разнообразные границы, кристаллизующиеся из широкого набора исторических и современных факторов. Такая обобщающая констатация, кроме того, что выделяет проблему связи и различия истории и современности, требует её рассмотрения в пространственном аспекте.

Мир культуры, в котором время более не играет определяющей роли, а пространство, напротив, заполонило горизонт жизненного мира, предстал в виде тотально опространствованного. Пространство больше не является внешним, независимым данным от понимания и деятельности человека, каковым оно было в античности, средневековье и ещё в Новое время до декартовой алгебраизации геометрии и кантовой имманентизации пространства¹. Человеческая жизнедеятельность понимается как принципиально самоопределяющаяся. В свою очередь, естественная склонность научного мышления к универсализации картин мира привела к представлению о пространстве (и времени) как гомогенном и однообразном.

Гомогенность пространства стала открытием западноевропейской мысли, которое превратило либеральную рыночную экономику в один из определяющих

факторов новой и новейшей истории, расширив экономическое воспроизводство до пределов всей планеты и интенсивности интимной жизни человека. В литературе неоднократно подвергалась анализу связь измеримости и исчислимости пространства и времени с капиталистическим экономическим ростом². На этой связи построена вся система доверия к математическому моделированию и количественным методам в экономике. Попытка представить пространство как гомогенное, структурированное и уплотнённое до глобальности обнаружила парадоксы не только в экономике мирового и национального хозяйства, но во всем многообразии культуры. Если пространство только однородное, и именно таковое лежит в основе человеческой деятельности, то объяснение различий в хозяйственных укладах, их исторической изменчивости, культур, национальностей и языков сводится к унылой оппозиции традиций и прогресса.

Пространственное разнообразие, в котором история и современность нашли особое совпадение, в своей внешней границе оказывается конечным, замкнутым, то есть глобальным [3, с. 210]. Вовне ему ничего не противостоит, оно поэтому не включено в систему различий и не имеет возможности к самоотражению. Конструирование некоего общего понимания глобальности с помощью классических рациональных схем, а также постмодернизма, потеряло всякую функциональность (деконструкция постмодернистов выступила необходимой критикой на пути возвращения к теме пространства внутри темпоральной логики трансцендентальной мысли Гуссерля и Хайдеггера

¹ Л.С. Черняк пишет об этом так: «Фундаментальной составляющей в структуре декартова пространства является, следовательно, объективация (в самой же структуре пространства) усилий, полагающих само пространство. В отношении этих усилий декартово пространство, безусловно, оказывается некоторым особым «интенциональным объектом» // Черняк Л.С. Вечность и время: возвращение забытой темы. – М.; СПб.: Нестор-История, 2014. – с.45.

² Тюнен И.Г. Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике. Пер. с нем. / Е.А. Торнеус. Под ред. проф. Рыбникова А.А. М.: Экономическая жизнь, 1926. 326 с.; Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / Под ред. А.Г. Гранберга, В.И. Данилова-Данильяна, М.М. Циканова, Е.С. Шопхоева. М.: ЗАО «Издательство «Экономика». 2002. 414 с.; Макконнел К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. Пер с англ. / К. Р. Макконнел, С. Л. Брю. – К.: Хагар-Демос, 1993. 785 с.; Краснополяский Б.Х. Пространственные науки и их роль в изучении экономики пространственных образований // Пространственная экономика. 2010. №1. с. 147-156.

ра). Можно предположить, что одновременная закрытость и открытость границ, их появление и уничтожение (со всей наглядностью это показал «миграционный кризис») обнажили явную растерянность науки и власти перед задачей понять, как трансцендентное может присутствовать в радикально не-трансцендентном (пространственном) мире.

Поэтому закономерно, что вопрос о соотношении культурных множеств и универсальности европейской культуры инвертировался в один из доминирующих вопросов международной политики и способствовал возрождению государственно-национального капитализма. Формальная схема культурного универсализма и культурных множеств проста, она определяется понятием амбивалентности. Однако феноменологическое наполнение такой схемы чрезвычайно проблематично, поэтому и форма в ясности и чёткости своих границ перестаёт быть строгой. О.К. Румянцев именно так формулирует проблему границы универсализма и множеств. Открытие культурного разнообразия является заслугой европейского универсализма, ибо только в универсальном взгляде множественность опознаётся как таковая. После того, как Европа открыла множественность, она также оказалась одним из множеств. Но и потерять универсализм она не может, ибо тогда исчезает исходное условие в конституировании множеств [5, с.303-312].

Дискурс о границе в постметафизике.

Дискурс о границе становится одним из авторитетных и продуктивных подходов к пониманию человека и мира, современной культуры³. Для этого есть серьёзные основания и коренятся они

не только в специфике современности, но, главным образом, в характере онтологического устройства европейского культурного мира. В современной науке концепт границы находит широкое применение. Граница рассматривается как многообразие эффектов переходности между живым и неживым, человеком и неантропоморфными сущими (животными, техническими устройствами), экономикой и политикой. Различные аспекты границ в экономико-географическом, социокультурном, этническом, миграционном разрезе изучает такая область исследований как «border studies»⁴.

Рефлексия над преобладанием аспекта переходности в существовании множественных границ привела к двум позициям. В практической постметафизике (дискурс-анализ, медиафилософия, политические и гендерные исследования и т.п.) предполагается, что позитивной методологии достаточно для понимания текущих изменений в культуре и существовании человека. Другая позиция выражена трансцендентальной установкой философии, которая, во-первых, утверждает онтологическую фундированность культуры, а во-вторых, вменяет мысли ответственность (например, созерцание у Канта, интенция у Гуссерля, открытость у Хайдеггера) за полагание горизонта, открывающего бытие.

И для постметафизики, и для трансцендентальной философии дело осложняется задачей собрать воедино культурные множества. Обращение к онтологии как основанию междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований, а также многообразных гуманитарных практик сегодня свойственно не только метафизическим исследованиям, но и постметафизическому поиску фило-

³ Ближайшим образом понятийную и концептуальную значимость «граница» находит в трудах Г. Гегеля, М. Шелера, Х. Плеснера, М. Хайдеггера, Ж. Деррида, М. Фуко и Дж. Агамбена, в отечественной мысли – в сочинениях и работах А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина, С.Н. Булгакова, М.Б. Туровского, Л.С. Черняка, О.К. Румянцева, А.Ю. Шеманова, В.В. Библихина.

⁴ Borderlines and borderlands: political oddities at the edge of the nation-state / edited by Alexander C. Diener and Joshua Hagen. 2010. 281 p.; Albert, Mathias. Identities, borders, orders: rethinking international relations theory / Mathias Albert, David Jacobson, Yosef Lapid. Published by the University of Minnesota Press. 2001. 350 p.; Колосов В. Теоретическая лимология: новые подходы // Международные процессы. 2003. №3. URL: <http://www.intertrends.ru/three/004.htm>. (проверено 29.12.2016 г.).

софского языка. Горизонт этого поиска можно назвать современным этапом постметафизики, имея в виду разрыв не только с постметафизикой Хайдеггера, герменевтикой Гадамера и проектом модерна Хабермаса, но и постструктуралистской парадигмой. Необходимость теоретического обобщения знаний о культурных множествах и возникает как в силу внушительного объёма данных о множествах, так и в результате методологического коллапса междисциплинарных исследований. Другой (другая культура, другой человек, другая религия) не может быть опознан и принят, если его открытию не предшествует взаимной открытости человека и Иного (пределной внемысленности предмета мысли)⁵. В философском знании последних десятилетий возобновляется идея трансценденции как фундаментального основания (наряду с имманентностью мышления) онтологии культуры и культурного разнообразия.

И в то же время трансцендентность парадоксальным образом выступает одним из элементов культурного множества. Такая ситуация составляет внутреннее противоречие современной европейской культуры. Универсальные ценности эпохи Просвещения и европейского проекта культуры в целом сегодня не имеют такого достаточного основания, которое могло бы стать фундаментом культурного и цивилизационного преобразования человеческого мира. Кризис универсализма привёл к рассеиванию границ между различными областями человеческой деятельности. Их взаимная дисперсия в масштабах глобальности резко выделила проблему понимания природы политики и международных политических границ.

Border studies стали попыткой выйти из противоречия универсализма и множественности. Их исследовательская продуктивность связана с тем, что «граница» как аналитический инструмент имеет широкую область приложения к

любым соотносимым множествам, поскольку обладает автономной онтологией относительно соединяемых и различаемых предметов. Онтологическая устойчивость границ заключается в их определяющих функциях (современ Аристотеля здесь ничего не изменилось) – соединяющей и различающей, момента переходности, границы в значении предела и структурных характеристик граничности (непрерывность, касание, следование), которые Аристотель приводит в «Метафизике» [2].

В то же время в border studies необходимого внимания онтологическому статусу границы не уделяется вовсе. Border studies описывают бесконечное многообразие практик и интеракций, связанных с теми или иными границами. В этой связи можно назвать политические и демографические кейсы, кейсы международных отношений, религий, этносов, миграции и т.д. Подробные описания, конечно, дают богатый эмпирический материал и способствуют улучшению трансграничных интеракций. Более того, исповедуемый border studies методологический номинализм снижает идеологическую нагруженность международной политики. Однако дескриптивность, используемая как противоядие догматизму теорий, в такой ненаучной наивности предстаёт как противопоставление субъекта и объекта знания, превращаясь в научную догму.

Фатальность эмпирических исследований, выдвинутых в качестве доминирующего исследовательского подхода, несложно продемонстрировать на примере разрушения концепции «borderless world» и возвращения к жёстким, закрытым границам. Эта концепция возникает в 80-90-х гг. XX в., она связана с развитием коммуникаций, глобальной экономикой и геополитическими изменениями. Можно выделить два аспекта, определивших логику «мира без границ»:

– во-первых, главный мировоззренческий посыл снятия границ состоял в

⁵ Принцип онтологической приоритетности Иного лежит в основе философских и философско-культурологических исследований М.Б. Туровского, Л.С. Черняка, О.К. Румянцевы, А.Ю. Шеманова.

утверждении общечеловеческой солидарности за пределами этнических, религиозных, экономических, гендерных и иных идентификаций. Открытие границ воспринималось как существенное условие конституирования солидарности – до тех пор, пока существуют границы, существует отчуждение, этно-религиозные конфликты, половая и расовая сегрегация;

– во-вторых, к размыванию границ привели процессы глобализации и идея «конца национальных государств». Спор о статусе и природе границ возобновил борьбу между левыми и правыми политическими движениями в Европе, особенно в связи с процессами миграции. В то же время, можно наблюдать совпадение правой и левой политических программ и риторики политиков относительно вопросов рабочих мест и экономического неравенства.

Ужесточение границ стало ответом на оптимистическую веру в мир без границ. Там, где нет онтологической контекстуализации политических границ, их междисциплинарное толкование превращается в запоздалый и вынужденный ответ, который не только не способен предсказать разворот событий, но нередко усугубляет сложность трансграничных процессов. Следует отметить, что архаичное противопоставление субъекта и объекта составляет гносеологическую основу радикального конструктивизма. Политика в нём рассматривается как процесс конструирования политической реальности. Может показаться, что конструирование действительно является окончательным ответом на вопрос о природе политического и о природе мира культуры вообще – у них, якобы, нет сущностной природы, независимой от конструирующего разума. Только человеческая мысль во всей своей полноте ответственности полагает природу реального. Внемысленному здесь нет места.

Включение трансцендентальной философии в постметафизический дискурс о культурных множествах

Происходящие в политике трансформации являются частью кризиса европейской культуры. В тоже время междуна-

родные отношения стали своеобразным средоточием культурного многообразия, поскольку кризис универсализма актуализировал проблемную связь существования и политеи – какое политическое устройство наилучшим образом вписывает человека в космический миропорядок и общительную связь людей? В европейской культуре природа политического укоренена в онтологическом измерении человеческой субъективности.

Характер онтологии в современной мысли трансформировался в постметафизическое изучение «существования без сущности», обращённое к фундаментальным основаниям человеческого бытия как самому насущному и безотлагательному политическому вопросу. По словам Дж. Агамбена, «онтология или первая философия – это не безобидная академическая дисциплина, а во всех смыслах основополагающая операция, при которой происходит антропогенез, очеловечивание живого существа». И в связи с этим «решающий политический конфликт в нашей культуре, который преобладает над всеми остальными, есть конфликт между животностью и вечностью» [1, с.95-96].

Разумеется, международные политические отношения представляют собой самодостаточную региональную онтологию, которая объективно выражает специфичный характер своих задач, отражая в них фундаментальную проблематику положения человека в мире и бытии. А.В. Торкунов ставит совершенно точный диагноз современным международным отношениям: «Наши представления о структуре современного мира, будь то биполярная или многополярная, не говоря уже об однополюсном сценарии – кажутся недостаточными для объяснения и систематизации тех процессов, которые разворачиваются на наших глазах» [7]. Точность данного диагноза основана на ясном понимании исчерпанности продуктивных концепций мировых отношений в рамках собственно международных отношений, импульс рациональной концептуализации которых ослабел по мере слома проекта новоевропейского

разума. Поэтому поиск действенных решений должен проводиться в области осмысления фундаментальных оснований культуры.

Как ни покажется странным, продуктивную попытку ответить на вопрос, чем сегодня является политея (существует ли она вне истории, или она – только и предельно историчный феномен), соответственно, находится ли национальное государство и государственность вообще, на пути к полному упадку, какова композиция политической власти, суверенитета и гражданских прав, по всей видимости, следует искать не на пути анализа собственно политической природы. Ибо ответ кроется в понимании границ политического и преломления культурных трансформаций в политических границах. Или, говоря прямо, научные изыскания в области дискурса о границе и есть способ исследования природы политического, отвечающий духу времени. В выражении «дискурс о границе» понятие границы используется как исследуемое различными дисциплинами и подходами⁶, в рамках которых прийти к общему пониманию границы не представляется возможным.

В таком случае понятийное определение термина граница является недостижимым, более продуктивно использовать его как концепт (концепт связан с контекстом, временными и пространственными изменениями, то есть с культурными множествами). Концепт границы выражает философское и культурфилософское содержание онтологического, феноменологического и культурологического анализа культурных множеств, в методологическом отношении он отмечает различённость и преемственность метафизики и постметафизики.

Экспликация конфликтности границы универсализма и культурных множеств.

Драматизм гомогенного понимания пространства выразился в не-

возможности решить теоретико-пространственные проблемы пространственными же методами. Эта проблема характеризовала ситуацию начала XX в., она свойственна и современной ситуации. Так, академик Г.Г. Фетисов справедливо указывает, что «в условиях глобализационных процессов пространственное развитие стран все более определяется внешними, а не внутренними факторами» [4, с. 5]. Но отсюда следует принципиальный вывод: чем в большей мере пространственное развитие стран связано внешними факторами, тем в большей мере эти факторы перестают быть внешними, превращаясь во внутренние факторы глобализации.

Современный мир поставлен перед критическим вопросом (это вопрос его самоопределения и выживания) полагания границ, очерчивающих глобальность. Собственно, свои предельные границы уже обнаружены, и раздвинуть их дальше попросту невозможно, поскольку нет того свободного от проектирования технологий и капитала пространства, которое можно было бы ими заполнить. Мировая экономическая система стала замкнутой, поэтому углубление разделения труда и рост воспроизводства в ней остановились. Пространственный лимит рынков сбыта явился одной из причин современного экономического кризиса, а превращение системы разделения труда в общепланетарную означает не менее чем конец капитализма и исторического прогресса, с ним связанного. Конец истории и крах капиталистической (как и социалистической) экономики – суть два именованного одного процесса.

Исполненность исторического смысла Просвещения и традиций привела к коллапсу универсализма в общепланетарном масштабе. Судя по всему, нет никаких оснований возлагать на современность всю вину за разрушение высоких идеалов европейской культуры. Глобально обесмысленный мир – дитя новей-

⁶ Здесь можно отметить и концептуализацию границы в географических исследованиях, в литературоведении Бахтина и семиотике Лотмана, в психоанализе, в кросс-культурных исследованиях, в политических, экономических, культурных, религиозоведческих и др. подходах «Border Studies».

ропейского разума. Всё, что ему доступно – это операциональные различия внутри замкнутого пространства, никакому субстанциальному универсализирующему пониманию мира и человека здесь места нет. Конечно, можно указать на политэкономические декларации об общечеловеческих ценностях демократии или традиционных устоях общества, но их смысл больше не презентует ничего иного, кроме риторических фигур и имитации. Поэтому неправомерно говорить о границе и границах в одном генерализованном контексте.

Тотально опространствованная культура открыта к пространственным переходам. Любой аспект феномена границы (политический, культурный, экономический, социальный, географический и др.) может выступать в качестве интегральной переменной для других граничных аспектов. Синтезированные на основе этой «игры» образы границы включаются в качестве элемента в любые другие конфигурации с другими интегральными переменными. Перемещение граничных синтезов и различий в пределах замкнутого пространства, в то же время, представляет собой вектор самопонимания европейской культуры, поэтому границы множеств, действительно, есть границы культурных множеств.

Хотя вопрос о едином поле культуры остается актуальным в качестве горизонта рефлексивного полагания возможности единства, позитивное понимание культуры как целого крайне затруднено. В отсутствие инструментов для положительных определений и интуитивной очевидности единства культуры её образ предстает как гибридное единство. Гибридность пространственной замкнутости культурных множеств состоит в том, что традиционные, модернистские и постмодернистские измерения культуры в современности равно допущены к существованию как пространственные аспекты глобального мира. Они взаимно пересечены и создают новое качество мира. В свою очередь, связь и различие культурных множеств находит предельно драматичное воплощение в поли-

тической реальности международных отношений. Это события, которые нас окружают – миграция, войны, технологические и политические революции, растущее экономическое неравенство.

Набор событий не является только частным отклонением от принципов международного права. Разрушение прежних и появление новых границ в результате конфликтов множеств служит симптомом более глубокого повреждения – асимметричного применения принципов международного права, основывающихся в новоевропейском и, шире, европейском типе культуры. Вполне объяснима в этой связи регулярная апелляция к принципам международного права и недопустимости их пересмотра как условию сохранения политической стабильности национальных государств. При этом международные отношения составляют значимую часть обеспечения политической стабильности в мире, которая зависит также от ряда других факторов – культуры, технологии, социальных процессов, экономики. Поэтому исследование проблемы политических границ и границ политического следует рассматривать не только в широком социокультурном контексте человеческой деятельности, но в самом бытийном основании феномена культуры на пост-исторической почве.

Мы стоим перед задачей понять мир как тотальность, в которой присутствие (присутствие сущего как знака присутствующей сущности) отсутствует, оно больше не является ожиданием смысла, его возвращения и даже конструирования. Расширение границ суверенитета до пределов всего мира оборачивается проблемой правовых границ суверенности и её легитимации. Правовое основание суверенности проистекает из принципов национального государства. По ходу стирания границы международной и национальной политики происходит девальвация национального государства и всемирное распространение хозяйствования, основанного на технике и технологии. Открытие внутренней пустотности суверенитета (присутствующее

отсутствие) способствовало демонтажу национальных суверенитетов.

По словам Нанси, «не существует (всё ещё) наднационального или донационального права. Нет готовой «демократии» (имеется в виду, нет фундамента права) над нациями или над народами. Имеется как раз то право, которое считают обрамляющим государства-нации и оно едва ли основано на универсальности и уж точно лишено самостоятельности. Это так называемое «международное» право, чьё «между» и представляет проблему, поскольку воспринимается как пространство лишённое права, не заполненное обобществлением какого-либо рода (без чего оно не является правом), но самым настоящим образом структурированное и технико-экономическими сетями, и надзором суверенных государств» [3, с. 163].

Впрочем, государство как политический суверен и хозяйствующий субъект уже озаботилось восстановлением национального фундамента в виде национальной идеи, политического и бытового национализма, исторического прошлого. Контрапунктом к мобилизации идеалов Просвещения сегодня выступает такое гибридное образование как ИГИЛ (организация запрещена в России). Эта организация как раз и пытается занять пустующее место «между»народного права поверх национальных различий. Космополитизм в нём является определяющим, он вызван к жизни слабостью «между»народного пространства, основанного на суверенитете национальных государств и рациональной коммуникации.

Кризис онтологического смысла границы высветил зияющую пустоту смысла, в которой космополитизм, идея правового суверенитета (запрещённая в России организация ИГИЛ позиционирует себя как государство) и варварство составили характерный симбиоз. Именно он выставил на обозрение сугубо европейское понимание проблемы бытийного основания культуры и человека как отсутствие онтологических оснований, на которых жизнь может быть рационально

объяснена и обустроена («безосновность основания», согласно Хайдеггеру).

Продуктивность онтологии множеств проистекает из намерения избежать ловушки тотализирующего истока и атомизирующей множественности разнотелых культур. Но встречающееся тут затруднение заключается в отсутствии такого рефлексивного или нерефлексивного инструмента, который позволит понять единичную множественность как изначально горизонтально соединённую сетевым образом без того, чтобы такая изначальность воспринималась как онтолого-метафизический исток. Нанси, по аналогии с Гегелем, называет её «мировой единичностью», что представляет собой усилие помыслить радикально иначе, радикальную инаковость.

Различающая и синтезирующая ипостась границы, эксплицируя близость и различие Востока и Запада, северной и южной экономики хозяйства ставит нас перед фактом продолжающегося продуцирования синтезов и различий, которые никак не найдут точки, прекратившей бы это дурное умножение. За встречей, диалогом, событием культур постметафизика (в лице Хайдеггера) и постмодернизм (в лице Бодрийера) обнаружили ужас Ничто, вскармливающее безумие человеческой конституции. Нанси предлагает понять бодрийеровскую импловивность (втягивание мира в техно-виртуальность) как опространствование суверенности. Следовательно, опространствованный мир ставит нас перед вопросом мировой цели. Это мир, который в *каждой* своей сингулярности выставляет *каждую* точку пересечения множеств вовне себя, проецируя радикальную пространственность как квазисмысловое поле.

Но сегодня вопрос о мировой цели отбрасывается на ситуативность как задачу изобретения философского языка (другие будут недостаточны для мирового пространства и мировой цели), где граница захватывает вновь и иначе. Это иначе исключительно тенденциозно, оно требует охватить одним взглядом трансцендентный и нетрансцендентный гори-

зонты мира как один горизонт трансцендентной инаковости и фантазмов иного, возникающих в пересечениях множеств и удручающих своей пространственной тотальностью. Сам этот горизонт открыт только как пространственная развёртка. Границы культурных множеств не могут быть ни полностью конструируемы, ни предположены в их самодостаточной внемысленности. Эти две рефлексивные процедуры должны найти свою новую продуктивную и экологичную конфигурацию.

Границы самым скорым образом актуализируются как политические границы государств, но именно такая актуализация препятствует экспликации положительного содержания границ, поскольку размытость границ политического не схватывает сущностное в феноменологии границы. Пространственная фиксация границы почти всегда факультативна, поскольку у неё преимущественно непространственная внутренняя логика. Она сама задает пространство, а значит, границы повсюду и нигде. Их повсюду и нигде задано внутренней логикой границы – одновременностью её значений различия-синтеза и границы как предела. Политическая, экономическая и социальная задача, которая должна получить безотлагательное исследование, состоит в понимании онтологии границы.

Это задача, возникающая не из умственных хитросплетений, но как раз наоборот – опознанная мышлением собственная ограниченность, радикальная конечность существования ставит вопрос обращённости к человеку самой реальности. Восстановление голоса реального началось относительно недавно – в результате кризиса модели разума, который возомнил себя способным охватить в своем тотализирующем представлении то, что предположено ему как его иное. Мы не опасаемся господствующей победы тотального конструирования – оно будет погребено под собственными обломками. Нас беспокоит, что это крушение захватит то положительное, что выработано европейской культурой – теоретическое знание, демократические институты, индивидуальное искусство. Намерение сохранить живыми научные, политические и культурные достояния европейской истории требуют экологизации политических границ и экологического дискурса о границах культурных множеств.

Колючая проволока на государственных границах внутри шенгенской зоны – это линии рушащегося проекта модерна на внешних границах западного мира. Его распад ускоряется капиталом, кочующим по странам в поисках концентрированных мест дешёвой рабочей силы.

Список литературы:

1. Агамбен Дж. Открытое. М.: РГГУ, 2012. 112 с.
2. Аристотель. Метафизика. М.: Эксмо, 2006. С. 64-67.
3. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Мн.: Логвинов, 2004. 272 с.
4. Проблемы пространственного развития: методология и практика исследования. Под редакцией чл.-корр. РАН Г.Г. Фетисова / СОПС, М., 2012. 252 с.
5. Румянцев О.К. Воспроизведение и конструирование в европейской мысли // Метаморфозы разума в европейской культуре: к философским истокам современных проблем образования. М.: Прогресс-Традиция. 2010. С. 289-400.
6. Силантьева М.В. Новые принципы «философии границы» в глобальном мире – десувверенизация или «постсуверенизация» // Полис. Политические исследования. 2014. №3. С. 8-26.
7. Торкунов А.В. Карт-бланш. Ректор МГИМО Анатолий Торкунов о новом миропорядке. Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/world/2014-10-24/3_kartblansh.html. (проверено 29.12.2016 г.).

Об авторе:

Гибелев Игорь Владимирович – к.филос.н., директор ООО НПО «ИнтелКом». 308504, Белгород, мкр. Таврово-2, пер. Дачный, 11. E-mail: gibelev@yandex.ru.

THE BORDERS OF CULTURAL PLURALITIES: CONSTRUCTION AND POLITICAL REALITY

I.V. Gibelev

ООО НПО «ИнтелКом». 308504, Belgorod, distr. Tavrovo-2, Dachny alley11.

Abstract. *The article explores the issue of cultural pluralities' borders transformation in the contemporary world. Political borders are considered a type of cultural sets' boundaries that were opened up by the European project of universal culture. Transcendental ideas played a pivotal role in constructing universalism. Through the decay of transcendent dimension in cross-border interaction studies, the concept of space attracted considerable attention. The spatial schemes of environmental perception dominated in Western thought for two and a half thousand years. G.W.F. Hegel summed up the characteristics of modern European mind: "The truth of space is time". Spatial logic expresses the essence of time.*

According to Hegel, at the beginning of the 19th century the World Spirit came to its total self-identity, thus time flow lost all sense, the end of history happened. Of course, it does not mean that the element of time became extinct and

historical process as a succession of events came to an end. The "end of history" thesis reflects certain embodiment of Enlightenment ideals in social and cultural practices. However, the end of history based on temporal self-identification consciousness, opened up a new horizon of human history – its existence in a net of spatial (cultural) pluralities. Cultural sets exist as mutually intersecting, and its external border in a global world turns out to be a closed limit.

In 1990s the conception of the "borderless world" was developed proclaiming that boundaries' disappearance was natural and calling to destroy the borders. Nowadays, we are witnessing boundaries' simultaneous destruction and strengthening process.

The paper asserts that scanty knowledge of ontological sense of a boundary in humanitarian studies and practices is caused by an excessive attention to constructing abilities of human mind. Boundary phenomenon comprehension presupposes raising the question of possible forms of transcendence presence in contemporary non-transcendent world.

Key words: *political borders, cultural pluralities, space, border studies, horizon, transcendence, ecology of border.*

References:

1. Agamben J. Otkrytoe [Opened]. Moscow: RGGU, 2012. 112 p. (in Russian).
2. Aristotle. Metafizika [Metaphysic]. Moscow: Eksmo, 2006. p. 64-67. (in Russian).
3. Nanci J.-L. Bytie edinichnoe mnozhestvennoe [Being singular plural]. Minsk: Logvinov, 2004. 272p.
4. Problemy prostranstvennogo razvitiya: metodologiya i practica issledovaniya [The problems of spatial developing: methodology and researching practice]. Moscow: SOPS, 2012. 252p. (in Russian).
5. Rumyancev O.K. Vosproizvedenie i konstruirovaniye v evropejskoj mysli. Metamorfozy razuma v evropejskoj culture: k filosofskim istokam sovremennykh problem obrazovaniya. [Reproducing and constructing in European thought. Metamorphosis of mind European culture: towards philosophical roots of contemporary problems of euducation]. Moscow: Progress-Tradicija. 2010. p.289-400. (in Russian).
6. Silantjeva M.V. Novye principy «filosofii granicy» v globalnom mire - desuverenizacija ili «postsuverenizacija». [The new principles of "philosophy of border" in a global world – desuverenization or postsuverenization]. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2014. №3. p.8-26. (in Russian).

7. Torkunov A.V. Kart-blansh. Rector MGIMO Anatolij Torkunov o novom miroporyadke. [Carte blanche. President of MGIMO Anatolij Torkunov about new world order]. Nezavisimaja gazeta. 24.10.2014. (in Russian).

About the Author:

Igor V. Gibelev – PhD (Philosophy), Director of NPO «Intelkom». 308504, Belgorod, md. Tavrovo-2, trans. Dachny alley, 11. E-mail: gibelev@yandex.ru.